

Морское судно покачивалось, двигаясь сквозь лёгкий туман. Лунный свет, проникая через деревянное окно, освещал водную гладь, на которой, казалось, плавали бесчисленные частицы пыли.

Мальчик, свернувшись калачиком на деревянной кровати, шевелил веками. Казалось, он вот-вот проснётся, но снова погрузился в глубокий сон. Ему снился сон. В каюте капитана тускло горела свеча. Чэнь Дуаньли сидел за письменным столом, подперев голову рукой. На столе была разложена морская карта, на которой линии маршрутов и заметки уже начали стираться. При недостаточном освещении она казалась ещё более загадочной. Морская карта, на которой были отмечены далёкие острова и чужие страны, для большинства людей казалась чем-то нереальным, почти иллюзорным.

Мальчик ворочался во сне, издавая тревожные звуки. Казалось, ему снился кошмар. Чэнь Дуаньли встал, его верхняя часть тела скрылась в темноте, а пояс, украшенный золотом, ярко блестел. Свет свечи отражался на его богато украшенной одежде. Его лицо было плохо видно, но можно было разглядеть, что это был высокий мужчина.

Чэнь Дуаньли подошёл к деревянной кровати и протянул свою большую руку с тремя золотыми кольцами, чтобы прикоснуться ко лбу мальчика. Холодной осенней ночью волосы на лбу ребёнка были влажными.

— Юй, не бойся, не бойся, папа здесь... — Чэнь Дуаньли, стоя спиной к свету, мягко похлопал ребёнка по плечу, успокаивая его.

Несколько дней назад мальчик случайно упал в море, но, к счастью, не пострадал. Однако из-за испуга он почти каждую ночь видел кошмары.

Во сне Чэнь Юй услышал голос отца и открыл глаза. Его глаза, мерцающие в свете свечи, были красивы, как драгоценные камни, напоминая золотое кольцо с драгоценным камнем, которое носил капитан.

— Папа, там кто-то поет, — мягко произнёс маленький Чэнь Юй, семилетний ребёнок.

Чэнь Дуаньли знал, что никакого пения не было, и мальчик всё ещё находился в полусне. Он мягко сказал:

— Там никто не поёт, это тебе снится.

Чэнь Юй повернул голову и посмотрел на море за окном. Лунный свет был туманным, и он словно что-то искал. Затем раздалось детское напевание — это была древняя мелодия, протяжная и печальная.

— Где ты выучил эту песню, Юй?

— Папа, это рыбы, они все поют...

Во сне также стоял туман, и множество цзяожэней пели печальные песни на скалах. Рядом с ними множество маленьких лодок покачивались на волнах, растянувшись на несколько ли. На каждой лодке висел фонарь, освещая лица людей на борту. В основном это были мужчины в доспехах, их бледные лица были спокойны и торжественны. Они держали оружие, без радости, без гнева, без печали. В сопровождении неземного пения лодки беззвучно двигались в одном направлении, минуя морской утёс.

Рука Чэнь Дуаньли, лежащая на спине сына, внезапно остановилась. Он знал, что это песня цзяожэней. Он поднял лицо, его глаза были глубоки, как бездна, и он сказал:

— Ты опять слушал рассказы матросов о призраках? Это всё сказки для детей. В море нет рыб.

Услышав слова отца, Чэнь Юй кивнул, послушный. Казалось, он что-то вспомнил, и, разжав ладонь, показал маленького бронзового зверька — единственную вещь, которую оставила ему мать. Он поднял глаза на отца и слабо улыбнулся.

— Спи, — Чэнь Дуаньли погладил мягкие волосы ребёнка и поправил одеяло.

Морское судно покачивалось. Кровать в каюте капитана была прикреплена к стенке судна, чтобы уменьшить тряску. Для матросов, спавших на циновках и переворачивающихся во время шторма, это было поистине спокойное и удобное место для сна.

Маленький Чэнь Юй закрыл глаза. Чтобы не продолжать странный сон, он крепко сжал в руке маленького бронзового зверька и начал думать о своей матери: на её чёрных волосах был золотой венчик, она носила длинное платье из парчи, и от неё всегда исходил аромат. Она была такой нежной, похлопывала его по спине и тихо напевала песни иноземцев.

Под аккомпанемент прекрасной ночной мелодии морской ветер дул над высокими домами на берегу, и цветы безмятежности опадали. Лунный свет был похож на серебро.

**

Лунный свет был похож на серебро. Пожилой Чэнь Юй проснулся на кровати из наньму. Ему снилось, как в детстве он возвращался на родину с отцом. В полусне он думал, что находится на морском судне, но, почувствовав под собой устойчивость, увидел крыши и тени деревьев под луной, и понял, что находится на суше. Это был его дом в родной деревне Наньси, где он провёл несколько лет в юности и куда вернулся в старости.

Каждый раз, просыпаясь, он часто забывал, где находится, забывал свой возраст — был ли он ребёнком, юношей или уже стариком. В старости, вспоминая свою долгую жизнь, он часто ощущал нереальность происходящего.

В тот момент Чэнь Юй был худым и больным, его волосы были белы, как снег. Ему было семьдесят восемь лет.

Тени деревьев за окном трепетали от ветра, словно в испуге. Это было последнее дерево во дворе. Три дня назад шторм уничтожил множество деревьев.

— Кх-кх... — Чэнь Юй свернулся калачиком, прикрыв рот рукой, и тяжело закашлял.

Служанка, услышав звук, поднялась с угла комнаты, тёмная, как призрак. Вскоре зажглась свеча, и служанка подошла к кровати, чтобы помочь. Она поднесла сосуд для сплёвывания. У Чэнь Юя было много слуг, и этот приступ кашля заставил зажечь свет в комнате и за её пределами. Голоса и шаги смешались.

Чэнь Юй почувствовал металлический привкус во рту и носу. Он знал, что это была кровь. В полубессознательном состоянии он услышал, как его внучатый племянник Чэнь Цзиншэн зовёт его, но его сознание было рассеянным, как песок, и он снова погрузился в сон:

Снова туманный сон. Семилетний Чэнь Юй проснулся в таверне для иноземцев в Гуанчжоу. Он почувствовал, что вокруг сыро, и, открыв глаза, увидел маяк за окном. Туман сгустился, и свет маяка превратился в размытое пятно. Он огляделся и увидел служанку, которая спала рядом с ним, её мягкое дыхание было спокойным.

Внезапно за окном раздался шум, и свет стал ярким.

Маленький Чэнь Юй слез с кровати, одетый только в тонкую рубашку, босиком. Он спустился по толстым деревянным ступеням таверны и обнаружил, что все пьяницы, которые обычно сидели внизу, исчезли, как и певицы и слуги.

Занавеска была поднята, и вдали можно было разглядеть огромный корабль, стоящий в порту. Он был чёрным и массивным, словно морское чудовище, выброшенное на берег. Он не был похож ни на один корабль, который Чэнь Юй когда-либо видел. Его мачты были украшены чёрными парусами, как те, о которых рассказывали матросы — корабли из загробного мира.

Чэнь Юй вышел из-под занавески, и морской ветер ударил ему в лицо, заставив его отступить. Он с трудом продвигался вперёд, приближаясь к огромному кораблю. Неосознанно он оглянулся и понял, что в тумане все магазины были закрыты, и вокруг царил мёртвая тишина.

Внутри таверны он явно слышал шум снаружи, но почему здесь было так тихо, что становилось жутко.

Влажный и солёный воздух порта, несколько редких матросов и грузчиков, их силуэты растворялись в тумане, словно они были не живыми людьми. Маленький Чэнь Юй чувствовал холод под босыми ногами на каменной мостовой. Его волосы до плеч развевались на ветру, а

маленький бронзовый зверёк на его шее, казалось, ожил и хотел освободиться от оков, как сухой лист, готовый улететь с ветром.

Чэнь Юй протянул руку и схватил его, крепко сжав в ладони.

Он наклонил голову, волосы развевались, закрывая ему обзор. Когда он поднял голову, сильный ветер ударил ему в лицо, и внезапно луна стала яркой, а туман рассеялся.

Весь облик огромного корабля предстал перед ним. Он был величественным, как гора, весь чёрный, как железо. С него спускались деревянные трапы, и несколько человек выходили из тени корабля, их силуэты были размытыми.

Молодой человек, величественный и благородный, медленно спускался с корабля. Он прошёл мимо Чэнь Юя и вдруг остановился. Он посмотрел на ребёнка, их взгляды встретились: один высокий, другой низкий, один смотрел вниз, другой вверх. Он был так близко, что можно было разглядеть его аккуратно уложенные волосы, собранные под чёрной шапкой, пурпурный халат с кожаным поясом и мешочек для рыбы на поясе. Его широкие рукава развевались на ветру.

Под лунным светом он был величественным, высоким, но его лицо было мрачным, а глаза особенно холодными, внушая страх.

«Юйшэн, ты ненавидишь меня, да? Ненавидишь за то, что я ради своей выгоды не дал тебе покоя после смерти».

В голубых глубинах города цзяожэней тело Чжао Юйшэна лежало на ложе из раковин. Его лицо было таким же, как при жизни — молодым и красивым.

В старом доме в Наньси на кровати из наньму старый Чэнь Юй, как сухое дерево и угасающая свеча, погрузился в сон, бормоча что-то. За окном луна была ясной, а звёзды редкими.

Во сне маленький Чэнь Юй снял с шеи маленького бронзового зверька — морское существо, которое однажды спасло его, когда он упал в море. Он посмотрел на Чжао Юйшэна и протянул ему зверька, сказав мягким детским голосом:

— Ашэн, возьми его. Он защитит тебя. Возьми его с собой в путешествие по краю света.

Эти сны были смесью переживаний и навязчивых идей Чэнь Юя, глубоким отражением его сожалений.

Я старею, а мои желания остаются неисполненными, и я чувствую раскаяние.